

светлана крючкова: бытует мнение, что я избиваю людей...

Она прямая, откровенная. Бывает резкой, несдержанной. Может выругаться матом, послать куда подальше. Но потом успокоится и будет говорить тихо, почти шепотом. Уставшим голосом. Когда-то Светлана Крючкова за лето читала по 5 сценариев, выбирая, у кого из режиссеров сниматься; была ведущей актрисой в лучшем тогда в Питере театре, у Товстоногова. Сейчас все не так. Один спектакль — и тот в Москве. Один фильм — в несколько лет. И только болезней не становится меньше...

И страшно за детей

— Светлана Николаевна, вы чего-нибудь боитесь сегодня?

— Болезни, немощи. Боюсь, что детей не дотащу... Больше ничего. Успокаиваю себя тем, что, как говорил Гога, болезнь дается человеку во благо. (Болезнь. Но не немощь.) Абсолютно здоровый человек не может быть мудрым, он значительно глупее больного.

— Болезнь дает человеку мудрость?

— Да. Только человек переживавший знает цену многим вещам.

— Не слишком ли высокая цена мудрости?

— А понимание, познание и не дается просто. Много знать — страшно. Мне вообще кажется, Бог забирает тех, кто что-то такое знает... Не надо понимать слишком много...

— Немощь сильно страшит вас?

— Конечно. Потому что она влечет за собой беды для моей семьи. Когда Юра (Векслер — известный кинооператор, второй муж Светланы Крючковой. — Т.П.) получил первый инфаркт, к нему в больницу пришли три человека. Все! И после этого полгода — никаких звонков. Режиссер Виталий Мельников тогда собирался снимать свой новый фильм, пригласил Юру, но я настояла, чтобы он отказался — ему нужно было отдохнуть. К чести Виталия Вячеславовича, он не взял другого оператора, а полгода ждал Юру. Но это редчайший случай!

— Мне казалось, после того, что вам пришлось пережить (безденежье, голод, работа в ночную смену на заводе в молодости и то, что дважды побывали на том свете), уже ничего не страшно.

— Так ведь я не за себя боюсь. Как поет Долина: «Худо мне, тетя, и страшно за детей...» Страшно, потому что, если нет родителей, никто не поможет. Я это знаю по старшему сыну. Когда у него умер отец, никакие друзья не помогли. Ни рублем, ни протекцией, ни добрым словом.

— Вы сильно надеялись на друзей?

— Я всегда надеюсь, что человек — это человек. Но... Помогли, как всегда, те, от кого не ждешь. Мне нужно было лечь на операцию, исход которой был неизвестен, и хи-

рурги сказали, чтобы я оставила завешание (Митя был еще маленький). Я написала письмо в Ленинградское отделение Союза кинематографистов с просьбой выделить сыну пенсию до исполнения 18 лет. Мне отказали. И тогда Лена Драпеко, с которой мы не были близки, дала деньги, а Говорухин и Михалков оформили Мите небольшую пенсию, которая три года приходила ему из Москвы. Мне кажется, Станислав Сергеевич вообще на любую беду откликается, всегда. А те друзья, которые бывали у нас в доме, не помогли. Не хочу называть фамилии, они очень известные и уважаемые люди...

— Они перестали быть вашими друзьями?

— Безусловно. Но Бог им судья.

— Безденежье вас пугает?

— Конечно. Хотя мне-то лично плевать, моя жизнь прожита. Я уже даже к своей внешности отношусь достаточно наплеватьски. А вот дети, дети...

— Но вы же лицом работаете. Рискуете остаться не у дел.

— Какое Бог дал лицо, такое оно и есть. Я же так устроена, что для себя жить не умею. Если не о ком заботиться, жизнь для меня теряет всякий смысл. Я никогда не занималась собой, менять, подтягивать лицо не собираюсь. Вообще это грех, мне кажется. Не надо менять облик, который дал Бог. Он тебя может не узнать и послать тебе совсем другую судьбу, не твою. Надо жить естественным обра-

зом. Всею свое время. Время пускать корни, тянуть стебель, увядать. Природу не обманешь. Можно раскрасить лепестки, но они все равно будут увядшие.

— А когда врачи сказали вам, что, родив второго ребенка, вы сильно располнеете...

— Да ну, глупости! Ничего мне врачи не говорили. Сама все понимала. Если бы не хотела иметь детей, была бы худая, одинокая и никому не нужная... К сожалению, мне дети дались таким образом — я вынуждена была сесть на гормоны.

— Поправившись на 40 килограммов, первое время комплексовали?

— О чем вы говорите?! Таня! У вас умер кто-нибудь на руках?.. Я всю беременность провела в реанимации, где умирали мужчины. В этот период Юра отлежал с двумя инфарктами, и после родов я вынуждена была держать на руках не только маленького ребенка, но и своего очень больного мужа... Люди умирают, а вы в этот момент думаете, толстая вы или худая, как выглядите, и красите глаза?.. Да если бы я думала о себе, кто-нибудь из них погиб бы сразу. Наверное, другие женщины так могут. Я — нет... Я все уже меряю немножко с другой позиции. Комплексы перестали быть мне интересными.

Из вонючего чердака получится дом

— После тяжелых вторых родов здоровье и ухудшилось?

— Здоровье ухудшилось, потому что я всю жизнь тянула на себе дом. Может, кому-то кажется, что, когда я была замужем за Векслером, мне жилось очень легко? А мне жилось страшно-тяжело! Беременная Митей, с угрозой выкидыша делала капитальный ремонт в квартире...

Окончание на стр. 21

Рабочий момент съемок фильма «Оно»

Окончание. Начало на стр. 12

— В ней нельзя было жить?

— Ну, не ради красоты я это делала, поверьте. Нам дали квартиру с цементным полом, а мне нужно было принести туда грудного ребенка... Мое здоровье никто не берег. Сейчас Сашу тащу, тогда тащила Юру будь здоров как. Он не знал, где соль и сахар в доме лежат. Я была нянька, домработница, медсестра, секретарь и все остальное.

— С Александром — такая же ситуация?

— Нет. Саша хорошо знает, где что лежит. У меня уже нет сил. Надорвалась.

— И сейчас работаете...

— ...только чтобы поднять детей.

— Вы одна тащите всю семью. Но, простите ради Бога, у вас молодой, здоровый муж. Как же так?

— Молча!.. Муж год работал с утра до вечера. Но то, что он зарабатывал, никак не компенсировало его отсутствие. Почему у нас женщина пашет? Потому что страна не дает возможность работать мужчине, если он не вор, не жулик и не подлец. Если не умеет купить за 3, а продать за 10...

— А кто Александр по профессии?

— У него много профессий. Но сейчас он строит нам дом. Денег, чтобы нанять строительных бригады для евроремонта, у меня нет, Саша делает все сам. Из грязного, заброшенного, военного чердака. Чтобы детям хоть что-то осталось.

— У него нет постоянной работы? Но чтобы сегодня построить дом, нужны большие деньги...

— Не такие большие, как вам кажется. И только на материалы. Тем более что это тянется уже пятый год. Если бы не муж — я бы такого дома, какой он строит, никогда в жизни не имела. Он каждый день вкалывает там с 8 утра до 12 ночи. Без выходных. Или надо, чтобы он обязательно на службу ходил?.. Вам непонятно, что он строит для меня дом и я за это не плачу ни копейки? Я до сих пор живу в коммуналке, у меня нет собственной комнаты. А он делает так, чтобы она у меня наконец была. На шестом десятке. Я понятно говорю?

В БДТ уже 4 года нет работы

— Из-за чего вы можете выругаться матом?

— Из-за балбесов. Непрофессиональных, недисциплинированных, несобранных, ленивых. Раз скажешь, два, три, четыре, десять... На одиннадцатый уже идет мат. Ну, что можно сказать, если человек с перепоя берет дорогую камеру и роняет ее на сцене?.. «Не капайте расплавленным оловом на голову?» А для моей героини Риффеншталь камера была — всё: семья, дети, муж. Я работаю с ней весь спектакль, а

этот разгильдяй ее разбивает!.. Когда-то и я была безответственной. Но каждому возрасту соответствует определенный стиль поведения. В 20 лет пьяная девочка — еще терпимо, в 60 пьяная старуха — омерзительно! Помните у Пушкина: «Смешон и ветреный старик, смешон и юноша степенный...»?

— Этот спектакль «Марлени» (о Марлен Дитрих и Лени Риффеншталь) вы играете в Москве, в Театре Гоголя. Работа здесь — вынужденный шаг?

— Нет-нет. Это для души.

— Хотите сказать, то, что лучшие артисты БДТ — Крючкова, Басилашвили, Фрейндлих, Шарко играют в Москве, это случайность?

— Значит, город — дурак, если, имея у себя талантливых артистов, не использует их, а отпускает работать в Москву.

— Но речь не о городе. Что-то в БДТ происходит... Сейчас у вас там совсем нет работы?

— Абсолютно! Уже четыре года.

— Но вы там числитесь?

— Конечно. Когда нужно представлять БДТ, зовут меня. Так же, как, я думаю, Басилашвили, Фрейндлих...

— У Кирилла Юрьевича какая-то особенная нелюбовь к вам?

— Да. Из-за квартиры. Мне надо было помогать, а он не хотел. И я, вместо того, чтобы ходить на задних лапках и улыбаться, стала открыто говорить о своем несчастье. Этого было достаточно, чтобы Лавров сказал моему другу: «У Крючковой отвратительный характер. Талантливая актриса, но очень капризная... То у нее операция, то она детей рождает...» Таня, ну, о чем мы говорим?

— Что же, БДТ закончился?

— Басилашвили просто сказал: «БДТ умер». После ухода Гоги там каждый занимается тем, что блюдет собственные интересы. «Все расхищено, продано».

— А перейти в другой театр?

— В какой? Назовите мне режиссера, с которым можно было бы работать... Весь ужас в том, что сейчас режиссеры очень часто свою профессиональную беспомощность пытаются прикрыть фразой: «У этой артистки (этого артиста) плохой характер». Хотя когда с нами работал Товстоногов, никакой речи ни о каком характере вообще не шло! Плевать, у кого какой характер — мы все работали. Потому что Гога был объемнее, мощнее нас. А теперь режиссер сидит в зале, ты задаешь ему вопрос, а он, не зная, как ответить, говорит: «Вот — плохой характер!..» Мне кажется, питерские режиссеры боятся хороших артистов, не умеют с ними работать.

— Хотя, наверное, когда много лет назад вы отказались сниматься у Рязанова, и он сделал вывод, что у вас плохой характер...

— Да, он со мной долго не здоровался... (Улыбается.) Мне предложили эпизод вместо заболевшей Наташи Гундаревой в фильме «О бедном гусаре замолвите слово», но сценарий оказался неинтересным, да и играть эпизод совсем не хотелось. Я же была молодая, красивая. Понятно — сейчас, в таком возрасте, уже нельзя все время человека держать на экране. (Смеется.) А тогда отказалась — Рязанов обиделся. Как ребенок. В этом смысле мы с ним похожи: он надулся, я надулась. Зато потом все закончилось хорошо.

— Но через сколько лет! И то — случайно: в «Старых клячах», кажется, тоже должна была играть Гундарева.

— Да, Наташа отказалась... А в другом фильме — «Вас ожидает гражданка Никанорова» она сыграла вместо меня. Я пробовалась несколько раз, но сначала худсовет сказал, что я слишком страшная, потом — слишком красивая, затем — слишком толстая (с моим тогдашним весом 67 килограммов!). На очередную пробу я просто не приехала, и Марягин взял Гундареву, которая весила 75!

Мы с ней абсолютно разные. В фильме «Курица», где снимались вдвоем, это хорошо видно. А те, кто нас сравнивает, говоря: «На эту роль — Крючкова или Гундарева», ничего в нас не понимают.

— Обидно, когда с кем-то сравнивают?

А теперь режиссер сидит в зале, ты задаешь ему вопрос, а он, не зная, как ответить, говорит: «Вот — плохой характер!..» Питерские режиссеры боятся хороших артистов.

— Да ничего мне уже не обидно! Таня!.. Меня уже волнуют проблемы жизни и смерти. Я давно ни на кого не обижаюсь.

Многие думают: ну, толстая и толстая — какая разница: Гундарева, Крючкова, Усатова... А у режиссеров некоторых еще лучше мнение: толстая — значит, глупая. Да нет, дорогие! Толстая — как правило, умная. Каждая из нас занимает свое место. У каждой — своя публика. И если одну артистку берут на роль, а другую — нет, это не значит, что одна лучше другой. Просто так решил режиссер. Вот Карен Шахназаров снимал «Яды, или Всемирная история отравлений». Звонит его ассистентка: «Светлана Николаевна, мы вас приглашаем на кинопробы». — «Простите, не поняла». — «Карен Георгиевич хочет познакомиться». На следующий день по моей просьбе звонит Шахназаров. Спрашиваю: «Карен, я не поняла, что ты собираешься пробовать? У меня 80 фильмов. Давай мы с тобой договоримся: тебе подходит такой

психофизический тип, как я, или нет?..» У нас много артисток моего возраста, чуть старше. Хороших, но других. Есть Лидя Шукшина, Галя Польских... Но устраивать артистке на шестом десятке пробы — это дикость. В результате он взял Касаткину.

Меньшов три дня меня уговаривал

— Мне кажется, многие обижены на вас. Вы ведь всегда говорите, что думаете?

— Как правило. А если знаю, что человек может обидеться, лучше промолчу. Когда не спрашивают, тоже молчу. Но если уж спросили — скажу все, как есть.

— Со многими так испортили отношения?

— Да. Но, вы знаете... Если у меня с кем-то испортились отношения, значит, это люди, совершенно противоположные мне. Я не отношусь к ним уважительно.

— Не прощаете людей?

— Я никогда не мщу. Так что в этом смысле прощаю.

...В свое время я была вынуждена отказаться от картины «Москва слезам не верит». Меньшов три дня меня уговаривал, после чего обиделся на всю жизнь. У меня не было детей, я еще жила в общежитии и как раз в тот момент собиралась на съемки фильма «Пани Мария». Я дала слово режиссеру Наташе Трошенко, что сыграю главную роль, и не могла его нарушить. Хотя уже тогда понимала, что картина Меньшова будет более громкой. Ну, а если бы я ему дала слово и его бы предала? Чего тут обижаться?!

— Вместо кого вы должны были сниматься — вместо Муравьевой?

— Здравствуйте! «Вместо Муравьевой!» Это она вместо меня играла!.. Я отношусь к Меньшову очень уважительно, он нравится мне и как режиссер, и как актер. Тем не менее до сих пор на меня обижен.

— Ну, сейчас-то уж чего?..

— Тут еще вот что. Я была членом жюри фестиваля, на который он привозил «Ширли-мырли», и голосовала против картины. Я не была председателем, мой голос не был решающим, там все было категорически против этого фильма, но почему-то объектом своей обиды он выбрал именно меня. А я считаю, что это неудача Меньшова.

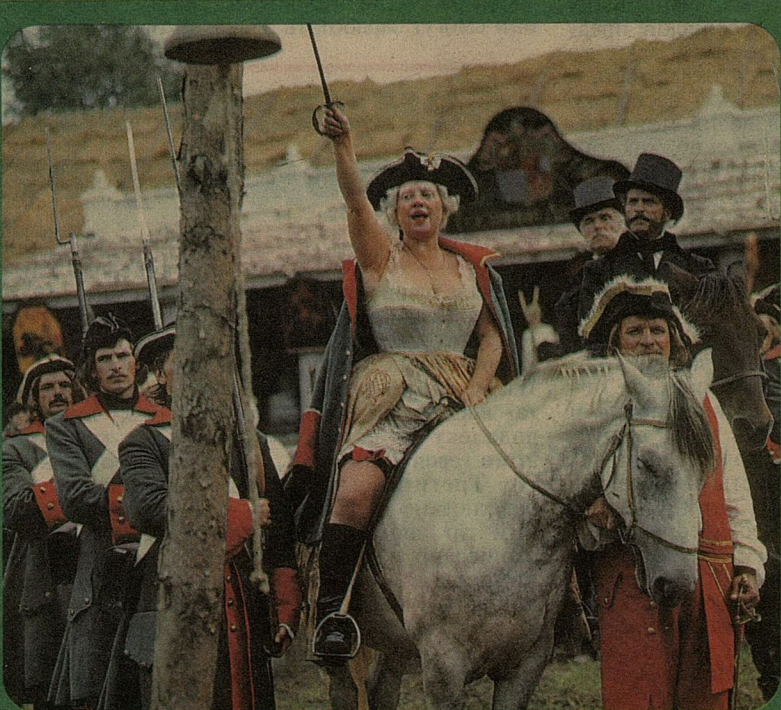
— По-моему, вы первый профессионал, который озвучил эту мысль. Многие актеры говорят, что это хорошая комедия...

— Может, я дура? Может, ошибаюсь? Но почему он на меня обиделся, ей-богу, не понимаю. Смешной!.. Еще раз говорю: я его очень люблю, ценю как творческую личность, он абсолютно неординарный человек и круто отличается от всех режиссеров, начиная с первых своих работ... Тем не менее у каждого режиссера бывают удачи и неудачи.

— Творческие люди все очень ранимые. Вы сами-то не обижаетесь, когда о вашей работе говорят как о неудачной?

— Я не знаю такого человека, который рискнул бы сказать мне это в глаза. Бытует мнение, что я избиваю людей... (Смеется.)

■ Беседовала Татьяна Петрова. Санкт-Петербург—Москва.

Кадры из фильма режиссера Сергея Овчарова «Оно» (1989г.)

фото Игоря Гнева, из архива Светланы Крючковой